

1967. В этом томе Г.Л. Соболев стал автором глав, посвящённых первым месяцам блокады, ликвидации последствий голодной зимы, укреплению обороны в 1942 г., народному образованию, высшей школе и т.д.

² Соболев Г.Л. Ленинград в Великой Отечественной войне (некоторые итоги и нерешённые вопросы) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1989. Вып. 1. С. 3–8; *он же*. Собирался ли Сталин сдавать Ленинград? // Ленинградская панорама. 1991. № 6. С. 24–26; *он же*. Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87.

³ Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. Ленинградский реквием (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.

⁴ Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 14–23; Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 70–96.

⁵ ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 3, д. 33, л. 77, 81.

⁶ Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014. С. 79.

⁷ Архив Информационного центра ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, д. СО-31292, 33179.

⁸ Сталинские премии: две стороны одной медали: Сборник документов и художественно-публицистических материалов. Новосибирск, 2007. С. 751.

В.В. Трепавлов. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 232 с.

Новая книга доктора исторических наук, руководителя Центра истории России и межэтнических отношений Института Российской истории РАН В.В. Трепавлова продолжает основные направления его исследований – историю кочевых народов, вошедших в состав России, и их взаимоотношения с Русским государством.

На сей раз объектом внимания учёного стали судьбы сибирского хана Кучума (после его изгнания Ермаком с «сибирского царства») и его многочисленных потомков в XVII в. В историографии существуют темы, к которым исследователи обращаются неоднократно, привлекая новые источники, уточняя фактологию и хронологию событий, предлагая новые интерпретации и концепции. Работа же Трепавлова в буквальном смысле закрывает «белое пятно» в определённой части извечной темы «Руси и Степи» – в Южном Зауралье конца XVI–XVII в.

Разумеется, у рецензируемой книги были свои тематические предшественники. Г.Ф. Миллер, который ввёл в научный оборот немало архивных источников, задал тон в изучении данного вопроса¹. Как верно заметил В.В. Трепавлов, при изучении истории Сибири в первый век её колонизации «татарские участники тех

событий изображаются лишь как необходимый фон “покорения Сибири”» (с. 3). Набеги потомков Кучума, опиравшихся на поддержку калмыков (западных ойратов), на русские поселения рассматривались историками именно с точки зрения успехов или неудач в продвижении военной и земледельческой русской колонизации на юге Западной Сибири. Поскольку военный потенциал калмыков намного превосходил малые и разрозненные силы Кучумовичей, то и в современных исследованиях деятельность «Кучумовых царевичей» (выражение Миллера) оказалась прочно привязана к теме русско-калмыцких (в отдельных случаях русско-башкирских) отношений². Думаю, что не ошибусь, если скажу, что при подобном подходе даже у профессионального историка при чтении соответствующих работ складывается лишь мозаичная (но никак не цельная) картина деятельности и реваншистских замыслов Кучума и его потомков (не говоря уж о трудностях в уяснении генеалогического древа, идущего от Кучума). В рецензируемой монографии акцент смещён. В центре внимания оказались именно степные претенденты на потерянное Кучумом «Сибирское царство» с их родственными связями (с ногами

и калмыками), с их дипломатическими усилиями найти союзников (вплоть до Бухары и Ургенча), с их неровными – то военными, то дипломатическими – отношениями с Русским государством. Ценность работы Трепавлова – в хронологически выдержанном и в то же время панорамном воссоздании кочевого образа жизни «бродячих царевичей» на протяжении нескольких десятилетий, чья принадлежность к Чингисидам то помогала им в обретении военных ресурсов, то ставила под угрозу их свободу.

Говоря об историографии темы, автор отметил, что о Кучумовичах написано лишь несколько статей. Тем более следует воздать должное учёному, который, судя по тексту книги, «вылавливал» малейшие сведения по интересующим сюжетам из источников и опубликованных работ. Источниковую базу рецензируемой монографии в основном составляют русскоязычные документы, прежде всего делопроизводственная переписка чинов воеводской администрации сибирских городов (Тобольска, Тары, Тюмени, Уфы) между собой и с центральным московским приказом. В приложениях к монографии впервые публикуются источники о посольствах царевичей Девлет-Гирея (1639 г.) и Кучука (1668–1669 гг.) в Москву. Среди материалов последнего посольства – грамота царевича Кучука царю Алексею Михайловичу в подлиннике и переводе – документ весьма редкого для данной эпохи типа. Обращение историка-востоковеда к подлинникам русских документов (и не только данных в приложении) из фондов РГАДА характеризует широту источниковедческого кругозора исследователя. С другой стороны, предыдущие штудии автора³ дали ему возможность свободно ориентироваться в династических хитросплетениях и политических конъюнктурах тюркских кочевых и оседлых государств, в которых приняли участие Кучум и его потомки. Подобный взгляд «с той стороны» весьма полезен для историков русского освоения Сибири, которые часто смотрят на степной пограничный мир глазами своих персонажей – воевод, казаков, крестьян.

Первые две главы монографии посвящены жизни и деятельности Кучума

после его поражения под Искером в октябре 1582 г. Автор подробно, насколько позволяют источники, проследил передвижения Кучума на довольно обширных степных пространствах, его попытки удержать власть над разобщенными объединениями татар Южной Сибири. В.В. Трепавлов убедительно показал, что Кучум в это время придерживался последовательной антирусской позиции, которая находила выражение в военных рейдах, сборе ясака с татар, обитавших в верховьях Тобола и Ишима, а также уводе татарского ясачного населения с территорий, подвластных царским воеводам. Интересно выдвинутое исследователем предположение о том, что возникновение в Сибири практики двоеданничества связано как раз со временем Кучума (1590-е гг.), когда волости между устьями Тары и Ишима платили ясак Кучуму, а после основания города Тара (1594 г.) их население платило половину ясака Кучуму, а половину – русским властям (с. 28). В своё время этот факт отметил П.Н. Бучинский, но он не сделал вывода о возникновении образца той практики сбора ясака, которую стало применять русское правительство в отношении пограничных ясачных «иноземцев» в следующем столетии. В первую очередь это касается алтайских народов, дань с которых была поделена между русскими властями и джунгарскими правителями. Выявление образцов (в данном случае двоеданничества) формировавшейся ясачной политики при дальнейшем русском продвижении в Сибирь представляется важным. Заканчивая рассказ о «царственном казачестве» (обоснование этого выражения сделано В.В. Трепавловым на с. 11–12), автор коснулся вопроса о месте и времени смерти хана Кучума.

Исследователь склоняется к мнению, что после поражения на берегу Оби в августе 1598 г. хан откочевал в восточные пределы Ногайской Орды, где прожил ещё около года и скончался естественной смертью.

Начиная своё повествование о закате Сибирского юрта с 1582 г., автор коснулся и дальнейшей хронологии экспедиции Ермака. Разумеется, исследователь не обязан был вступать в дискуссию по тем

или иным частным вопросам, но относя те или иные события к конкретным датам, он попутно выразил своё отношение к спорам среди историков. Придерживаясь уже традиционной (особенно после исследования Р.Г. Скрынникова) даты разгрома Кучума Ермаком под Искером (конец октября 1582 г.), Трепавлов пишет о смерти Ермака в августе 1585 г. (с. 32). Может быть, следовало хотя бы в примечаниях упомянуть другую версию хронологии действий атамана за Уралом, где смерть Ермака на Вагае датируется (и не менее убедительно, чем у Скрынникова) августом 1584 г.⁴

Основное замечание касается состава русского отряда, от которого Кучум потерпел поражение в сражении на Оби в 1598 г. При изложении этого события В.В. Трепавлов допустил, на мой взгляд, досадную оплошность. Он пишет: «В конце июля или начале августа 1598 г. младший воевода Тары Андрей Воейков во главе отряда из 700 русских служилых и 300 татар отправился в степь на поиски Кучума» (с. 57). Эти данные, очевидно, взяты из труда Г.Ф. Миллера, который приводит те же цифры⁵, не ссылаясь на источник сведений. По иронии судьбы Миллер, скопировавший немало документов в местных сибирских архивах, не был знаком с документами центральных приказов. Поэтому он, естественно, не мог знать о подлинной отписке Воейкова в Москву, опубликованной в 1841 г.⁶ Андрей Воейков в 1597–1599 гг. был письменным головой на Таре при воеводе С.В. Кузьмине. Грамота из Москвы о походе на Кучума пришла на Тару 1 августа 1598 г., а Воейков отправился во главе сборного отряда 4 августа. Видимо, в результате прежних распоряжений отряд уже был готов к выступлению. Из отписки следует, что он состоял из 167 служилых «литовского списка» и казаков из Тары, Тобольска и Тюмени, 140 служилых татар (тех же городов), 60 волостных ясачных людей Тарского уезда. Общую численность отряда Воейков определил в 397 человек; вместе с командирами насчитывалось 404 человека. Как известно, решительный бой произошёл 20 августа, и только через неделю Воейков, так и не поймав Кучума, двинулся обратно. Отписку в Москву Воейков отправил непосред-

ственно от себя, не дойдя до Тары шести «дней». Письменного голову можно понять: он, возможно, опасался, что воевода Кузьмин или припишет заслуги победы над Кучумом себе, или умалит заслуги Воейкова. Здесь важно отметить, что отряд наполовину состоял из служилых и ясачных татар, что отнюдь не свидетельствует о лояльности по отношению к Кучуму его бывших подданных.

Следующие главы монографии посвящены истории кочеваний «бродячих царевичей», их лихорадочных попыток найти союзников то среди калмыков, то среди недовольных русской властью восточных башкир. Особое внимание автор уделил деятельности сыновей Кучума Али (его ханский титул русские власти признавали) и Ишима (который после пленения Али русскими стал на одно время лидером среди Кучумовичей). Прослежена также судьба Кучумова внука Девлет-Гирея, чьё имя стало знаменем башкирского восстания 1662–1664 гг. и, что удивительно, – краткой надеждой неудавшегося восстания далеких нижеобских хантов. Не оставлен без внимания и правнук Кучума Кучук, принимавший активное участие в военных действиях 1662–1664 гг. Для историков западносибирского пограничья, акцентирующих внимание на мелких и крупных набегах кочевников на русские уезды, книга В.В. Трепавлова является хорошим путеводителем (одних только сыновей Кучума автор насчитал 15).

Основной корпус источников по теме повседневной кочевой жизни царевичей-«казаков» состоит из разного рода документации русского происхождения. Воеводы пограничных уездов Западной Сибири XVII в. тщательно следили за военными планами Кучумовичей, их альянсами с калмыками, маршрутами перекочёвок, реальной численностью их воинов и подданных. В связи с этим Трепавлов сделал важное наблюдение: «История “казачества” Кучумовичей предстаёт из источников такого рода как сплошная череда военных авантур и альянсов с агрессивными кочевниками и разного рода “изменниками”» (с. 126). Автор же обратил внимание на то, что периоды мирной жизни царевичей в степях были более длительны, чем состояния набегов

и войн. Поэтому он считает, что «не стоит преувеличивать масштабы агрессивности Кучумовичей. Имея под началом незначительное количество “подданных” – сторонников, они сами по себе представляли некоторую угрозу лишь в альянсе с калмыками» (с. 130). Автор монографии попытался (и безуспешно) воссоздать черты мирного быта Кучумовичей и их окружения, основные виды хозяйственной деятельности. Однако здесь исследователь столкнулся с катастрофичным недостатком источников.

В литературе встречается немало рассуждений о том, что Сибирский юрт Кучума был лишь частью обширного улуса Шибанидов (Шибан (XIII в.), внук Чингисхана), чьи меняющиеся центры находились в Средней Азии. Из этого сомнительного утверждения делается вывод, что Чингисид Кучум и его потомки обладали легитимными правами на «Сибирское царство», о чём якобы хорошо знало тюркское (и не только) население Западной Сибири. Исходя из этого, можно было бы предположить, что Кучумовичи были весьма популярны в среде этого населения, готового к антирусским восстаниям. Книга В.В. Трепавлова опровергает рассуждения такого рода. Исследователь делает совершенно правильный вывод: «Мне представляется сомнительным, чтобы телеуты, вогулы, селькупы, башкиры и другие объединялись с татарскими царевичами на основании их династических прав на забытый к тому времени улус Шибана. Принцы–“казаки” никогда не обладали достаточными военными силами, материальными ресурсами и авторитетом для мобилизации вокруг себя сколько-нибудь заметных массо-

вых движений» (с. 139). Автор обратил внимание на то, что в устном творчестве и письменных родословиях тюркских народов фигурирует только сам Кучум. Историческая память местных народов Западной Сибири не сохранила даже имён его детей и внуков, что также свидетельствует о степени «популярности» царевичей, когда они были ещё заметны на исторической сцене.

В целом читатель получил добротную книгу, которая углубляет наши представления о сложной ситуации на юго-восточном степном пограничье в эпоху первоначального русского продвижения в Сибирь и в то же время противостоит всякого рода квазинаучным построениям националистического толка.

Е.В. Вершинин

Примечания

¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2000. С. 106–134.

² Например: *Пузанов В.Д.* Военно-административная система в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.) // История Курганской области. Т. 7. Курган, 2002. С. 19–41; *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110.

³ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001; и др.

⁴ *Шашков А.Т.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 36–37.

⁵ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. I. М., 1999. С. 292.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841. С. 1–4.

А.Н. Ермолаев. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово: ИНТ, 2013. 620 с., ил.

Как известно, монопольная Российско-американская компания (РАК) была создана в 1799 г. под эгидой государства для промыслов и торговли, а также управления колониями России в Новом Свете.

Деятельность её в Русской Америке уже достаточно изучена¹. Тем не менее крупная монография кемеровского учёного А.Н. Ермолаева, являющаяся итогом его многолетних научных изысканий, существ-